

АБСОЛЮТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ДЭВИД
Болдаччи

АБСОЛЮТНАЯ
ПАМЯТЬ

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б79

David Baldacci
MEMORY MAN

Copyright © 2015 by Columbus Rose, Ltd. This edition is published
by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency
and The Van Lear Agency LLC.

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке by Nik Keevil

Болдаччи, Дэвид.
Б79 Абсолютная память / Дэвид Болдаччи ; [пер. с
англ. А. Посецельского]. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 448 с. — (Европocket. Абсолютный де-
тектив).

ISBN 978-5-04-091125-7

Каждый роман Дэвида Болдаччи становился мировым бестселлером New York Times. Всего в мире продано более 110 000 000 копий его книг.

Страшный удар по голове оборвал спортивную карьеру Амоса Декера — и он же пробудил в нем уникальную способность к абсолютной памяти. Декер детально запоминает всё, что когда-либо видел и слышал. Поэтому день, когда Амос пришел работать в полицию, стал черным днем для преступников. Теперь им не скрыться от правосудия — ибо по их следу идет Человек-память...

Полицейская карьера Амоса Декера шла в гору. Но так было до тех пор, пока не произошла ужасная трагедия — кто-то убил его жену и маленькую дочь...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык,
А.А. Посецельский, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091125-7

*Тому и Пэтти Макъяз.
Так держать,
и хорошо вам провести время.
Вы это заслужили!*

Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и диалоги — плод авторского воображения и не могут расцениваться как реальные. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

ГЛАВА 1

Амос Декер навсегда запомнил эти три смерти в парализующем оттенке синего. Свет врезался в него, вошел, будто нож из цветного стекла. И Декер так и не смог избавиться от этого света.

Слежка была долгой и в конечном счете непродуктивной. Ведя машину к дому, он думал, что сейчас урвет пару часов сна, а потом снова выйдет на улицы. Амос свернул на подъездную дорожку скромного двухэтажного дома с пластиковой обшивкой. Дому было уже двадцать пять лет, а выплачивать за него предстояло как минимум еще столько же. Дождь растекся по тротуару, ботинки сорок седьмого размера скользнули и только потом уцепились за асфальт. Декер тихо прикрыл дверцу машины, не сомневаясь, что в такое время все уже спят. Он устало поплелся к двери в кухню и вошел в дом.

Внутри было тихо, как и ожидалось. Но слишком тихо, и это было неправильно. Тогда он этого не почувствовал и потом не раз задумывался почему. Одна из многих ошибок, которые он допустил той ночью. Декер задержался на кухне налить стакан воды из-под крана. Он залпом выпил воду, поставил стакан в раковину, отер подбородок и направился в соседнюю комнату.

Он поскользнулся и на этот раз грузно рухнул на пол. Гладкий паркет елочкой, Декеру уже приходилось здесь падать. Но сейчас все будет иначе, и Амосу предстояло

это узнать. Луна сияла сквозь фасадное окно, и ее света вполне хватало.

Когда Декер поднял руку, ее цвет изменился.

Красное. Кровь.

Откуда она взялась? Амос поднялся на ноги и пошел разбираться.

Источник нашелся в следующей комнате. Джонни Сакс. Его шурин. Большой крепкий парень вроде него самого лежал ничком. Декер нагнулся к нему и встал на колени, едва не ткнувшись носом в лицо Джонни. Горло перерезано от уха до уха. Пульс можно не проверять, неоткуда ему взяться. Большая часть крови Джонни растеклась по полу.

Прямо в эту минуту Декеру следовало достать телефон и набрать 911. Он отлично знал, что положено делать. Ни в коем случае не бегать по месту преступления, поскольку именно им стал дом, в котором найден мертвый — убитый — человек. Теперь это музей; трогать что-либо категорически запрещено. Профессионализм Декера вопил об этом.

Но тут было только *одно* тело. Взгляд Амоса метнулся к лестнице, и его разум внезапно отключился, охваченный безудержной паникой — идущим изнутри чувством, что жизнь только что ограбила Декера, лишила всего, что у него было. И он побежал, шлепая ботинками по лужичкам подсохшей крови, расплескивая их приливными волнами.

Он уничтожил важнейшие улики — похерил все то, что требовалось сохранить. Но сейчас ему было плевать.

Кровь Джонни вела к лестнице, и Декер взлетел по ней, перемахивая через три ступеньки зараз. Он ловил ртом воздух, сердце колотилось как бешеное; казалось, оно разбухло и готово разорвать грудь. Разум был парализован, но руки и ноги двигались, будто по собственной воле.

Декер выскочил в коридор, оттолкнулся от стены, отлетел к стене напротив. Он мчался к первой двери справа. Ему даже не пришло в голову достать пистолет, задуматься, не остался ли убийца в доме, не ждет ли он прихода Декера.

Он распахнул дверь плечом и огляделся.

Ничего.

Нет, неправда.

Он замер в дверях. Ночник на тумбочке тускло освещал голую ступню, торчащую с дальней стороны кровати.

Амос знал эту ступню. Он долгие годы держал ее, массировал, целовал при случае. Длинную, узкую, все еще лакомую; палец рядом с большим чуть длиннее, чем следует. Вены сбоку, мозоли снизу, красные ногти — всё в порядке, за одним исключением: ступня не может торчать над матрасом в такое время ночи. Это значит, что все остальное лежит на полу, и с чего бы ей там лежать, если только...

Он медленно подошел к той стороне кровати и посмотрел вниз.

Кассандра Декер, Кэсси для всех, но в первую очередь, и самое главное, для него, смотрела с пола вверх. Хотя «смотрела» — уже не о ней. Декер дернулся вперед, замер рядом с ней и медленно опустил на колени; синие джинсы устроились в кровавом пятне рядом с телом.

В пятне ее крови.

На шее раны не было. Кровь текла не оттуда. Рана была на лбу.

Одна пуля. Он знал, что не должен так делать, но поднял с пола ее голову и прижал к своей вздымающейся груди. Спала ли она? Проснулась ли? Декер думал, в последний раз баюкая в руках свою жену.

Он опустил ее на то место, где она лежала. Уставился в ее лицо, белое и безжизненное, с почерневшей дырочкой посреди лба, чтобы сохранить последнюю память о Кэсси, точку в самом-самом конце.

В конце всего.

Амос встал, не чувствуя ног, выбрался из комнаты и пошел по коридору во вторую, и последнюю, спальню на этаже.

Он не стал распахивать дверь. Спешить уже незачем. Он и так знал, что там найдет. Все, что он сможет узнать, — какой способ выбрал убийца на этот раз.

Первый — нож. Второй — пистолет.

В спальне ее не было, оставалась только смежная ванная комната.

В ванной горел яркий верхний свет. Убийца явно хотел, чтобы Декер хорошо разглядел его последнюю жертву.

Она сидела там на унитазе. Чтобы она не упала, убийца привязал ее пояском от халата, обернутым вокруг бачка. Декер подошел к ней.

Ноги не скользили. Крови не было. На его дочери не было заметных ран. Потом он подошел ближе и увидел у нее на шее отметины, уродливые и пятнистые, будто кто-то прижигал ей кожу. Возможно, убийца использовал поясок. Или сделал это руками. Декер не знал — и не беспокоился по этому поводу. Смерть от удушения не бывает безболезненной. Она мучительная. И страшная. И пока убийца медленно выдавливал из нее жизнь, она смотрела прямо на него.

Через три дня Молли должно было исполниться десять лет. Они запланировали праздник, пригласили гостей, купили подарки, заказали торт с шоколадной начинкой. Амос взял отгул, чтобы помочь Кэсси, которая работала полный день и к тому же делала большую часть работ по хозяйству, поскольку его работа даже близко не походила на «с девяти до пяти». Они шутили над этим. Что он знает о настоящей жизни? Покупке продуктов? Оплате счетов? Походах с Молли к врачу?

Как оказалось, ничего. Ни черта. Бестолочь.

Он сел на пол перед мертвой дочерью, скрестил длинные ноги, как ей нравилось — подошва упирается во вну-

треннюю часть бедра другой ноги. Он был гибким для такого крупного мужчины. Поза лотоса, смутно подумалось ему. Или что-то в этом роде. Декер даже не знал, почему вообще подумал об этом.

Должно быть, это шок, осознал он.

Ее глаза были широко открыты, они смотрели прямо на него, но не видели. Как и мамыны. Она больше никогда его не увидит.

Декер просто сидел там, качаясь взад-вперед, глядя на нее, но не видя, и его девочка уж точно не видит своего папу.

«Вот так. Ничего не осталось. И я сам не останусь. Я не смогу».

Он вытянул из поясной кобуры компактный девяти-миллиметровый и передернул затвор, дослав патрон в ствол. Обхватил пистолет двумя руками. Хорошая штука-ковина. Точный, и убойная сила приличная. Амос никогда не стрелял из него в людей. Но хотел.

Он уставился на дульный срез с железной мушкой. Сколько патронов отстреляно в полицейском тире? Тысяча? Десять тысяч?.. Ну, этой ночью он не промахнется.

Он открыл рот и засунул туда ствол, наклонив пистолет так, чтобы пуля прошла через мозг и все случилось быстро. Палец лег на спусковой крючок. Декер поднял взгляд и увидел Молли. Внезапно смутившись, вытащил пистолет, приставил его к правому виску и закрыл глаза, чтобы не видеть ее. Указательный палец снова скользнул по спуску. Положить, потом медленно, равномерно давить, пока не дойдешь до рубежа, за которым нет возврата. Он ничего не почувствует. Мозг умрет прежде, чем успеет передать остальному телу, что он себя грохнул.

«Нужно просто нажать. Нажми, Амос. Тебе нечего терять, потому что ты уже потерял все. Они ушли. Они... ушли».

Он держал пистолет и думал, что скажет своей семье, когда они воссоединятся там.

«Мне жаль?»

«Простите меня?»

«Я хотел быть там, чтобы защитить вас от убийцы, кем бы он ни был? Я должен был остаться с вами и защитить?»

Он стиснул пистолет, вжимая металл в висок с такой силой, что почувствовал, как край среза режет кожу. Капля крови выступила на виске и впиталась в седеющие волосы. Декер не сомневался, что за последние несколько минут в них прибавилось седины.

Ему не требовалось собираться с духом.

Нужно только отыскать точку равновесия. Однако есть ли хоть какое-то равновесие в том, чтобы лишиться себя жизни?

По-прежнему держа пистолет у виска, он достал телефон, набрал 911, назвал свою фамилию и номер жетона, двумя короткими предложениями описал убийство трех человек. Потом уронил телефон на пол.

Внизу был Джонни.

Дальше по коридору — Кэсси.

Здесь, в туалете, была Молли.

И внезапно, без предупреждения, Декер увидел все очерченным самым жутким оттенком синего. Тела, дом, всю ночь. Пузырь синего; он был повсюду. Амос задрал голову к потолку и выкрикивал ругательства, вкладывая в них всю ярость и боль утраты. Проклятые цвета, даже сюда они влезли. Почему он не может побыть нормальным хотя бы раз, когда ему так больно? Декер опустил голову и сидел на полу с пистолетом у виска, больше в нем не осталось ничего. Он был готов умереть, готов присоединиться к ним.

Но по какой-то причине, неизвестной даже ему самому, Амос Декер не нажал на спуск.

Так его и нашли копы, прибывшие через четыре минуты.

Парковая скамейка выкрашена красным.

Неуютный, резкий осенний холод тянет зиму.

Амос Декер сидел на скамейке и ждал.

Перед ним пронесся воробей, едва увернулся от проезжающей машины, взмыл вверх, поймав поток воздуха, и умчался. Декер отметил марку, модель, номерной знак и описание внешности всех четырех человек в машине. Муж и жена спереди, ребенок в детском кресле — сзади. Рядом с ним сидит другой, постарше. Лет десять. На заднем бампере наклейка: «Мой ребенок на Доске почета учеников Торнкрестской школы».

«Поздравляю; ты только что сообщил всем психам, где нужно ловить твоего умничку».

Затем к ближайшей остановке подкатил автобус. Декер пробежался по нему взглядом, делая те же заметки. Четырнадцать пассажиров, большинство — хмурые и усталые, хотя сейчас только полдень. Один энергичный, ребенок. Он крутился рядом со своей измученной матерью, которая обмякла на сиденье, держа на коленях пухлую сумку. Водитель была новичком, ее лицо стягивало напряжение. Даже гидроусилитель мало помогал ее борьбе с рулем, а в поворот она вошла так медленно, словно автобус катился по инерции.

Над головой набирал высоту самолет. Он летел достаточно низко, чтобы Декер отметил: «Боинг-737», «Юнайтед эйрлайнс», судя по законцовкам крыла — последняя модель. Вместе с числом 737 выскочил цвет — серебро. Само число 737 для разума Декера было красивой смесью. Изящное, серебристое, быстрое, как пуля. Все, что начиналось с семерки, вызывало у него такую реакцию. Он высоко ценил «Боинг» за то, что номера всех его самолетов начинались с семерки.

Мимо прошли двое молодых людей. Замечено, записано. Один старше, крупнее, альфа, второй — подпевала, чтобы было кого шпынять и посмеиваться. Следом Декер отметил четырех детей, играющих в парке через дорогу. Возраст, категория, серийный номер, ранг и иерархия — все выстроено уже к шести годам, как у стаи волков.

Сделано.

Следующий номер — женщина с собакой. Немецкая овчарка. Не старая, но с большими бедрами. Вероятно, дисплазия, часто встречается у этой породы. Занесено в каталог. Мужчина треплется по смартфону. Костюм от «Зегны», на туфлях с тонкой подошвой буква G — «Гуччи». На левой руке золотой браслет с камушками, похож на кольца Суперкубка¹. На правом запястье часы «Зенит» за четыре тысячи долларов. Для профессионального спортсмена низковат и плохо сложен. Для типичного наркоторговца слишком хорошо одет. Возможно, менеджер хедж-фонда, продажный адвокат или застройщик. Отложено в памяти.

На другой стороне улицы закатывают в специальный микроавтобус пожилую женщину в инвалидной коляске. Ее левая половина не работает, паралич лицевого нерва, тоже слева. Инсульт. Задокументировано. У ее сопровождающего небольшой сколиоз с плоскостопием. Отпечатано.

Амос Декер замечал все это и многое другое, а его разум сортировал увиденное. Делал выводы, те или иные. Временами предполагал. Иногда догадывался. Все это ничего не значило — он занимался этим, чтобы занять время, пока ждет. Все равно как считать цвета. Просто чтобы занять время.

¹ Имеется в виду Суперкубок по американскому футболу — финальный матч сезона, в котором выявляется абсолютный чемпион обеих профессиональных лиг. Игроки команды-победительницы, в частности, награждаются массивными кольцами с драгоценными камнями.

Он лишился дома — изъятие банком. Их с Кэсси зарплата едва хватало на платежи. Одна его зарплата — полная безнадега. Амос пытался продать его, но кто же захочет жить в доме, залитом кровью?

Несколько месяцев он снимал квартиру. Потом комнату в мотеле. Затем, когда у него поменялась ситуация с работой, он переехал на диван друга. Когда друг стал менее дружелюбным, Декер перебрался в приют для бездомных. Когда финансирование приюта сдулось и тот закрылся, Декер «разменялся» на спальный мешок в парке. Потом, когда мешок износился, а копы стали вытряхивать бездомных из парка, — в картонную коробку на парковке.

Амос упал на самое дно. Обрюзгший, грязный, заросший, с дикой бородой, он выглядел как человек, который живет в какой-нибудь пещере и замышляет заговор с инопланетянами. Декер и вправду был таким, пока однажды утром не проснулся на парковке «Уолмарта», глядя на логотип «Джорджия-Пасифик» внутри картонной коробки, и испытал захлестывающее душу прозрение: увидь его сейчас Кэсси и Молли, им было бы чудовищно стыдно.

И потому он почистился, поработал там и сям, занимаясь всякими странными делами, пока не сэкономил пару долларов, перебрался в комнату в «Резиденс Инн» и вывесил свою табличку частного детектива. Он брался за все дела, которые попадались; по большей части не доходы, а расходы, работа за так, но это было что-то. А ничего большего ему не требовалось.

Это было бессмысленное существование, но, по правде говоря, он и сам был бессмысленным. Борода все еще была густой, волосы — спутанными, лишний вес тоже никуда не делся, но теперь он носил довольно чистую одежду, да и душ принимал, иногда даже пару раз в неделю. И больше не жил в коробке. По его мнению, прогресс всегда следовало измерять в дюймах, особенно